

Линь Суйцы застыл, словно кровь в его жилах превратилась в лед, а в голове стоял оглушительный гул.

Слова Цзян Хунъюя эхом отдавались в ушах, подобно холодным, сверкающим лезвиям, разбивая вдребезги последнюю искру надежды, теплившуюся в его сердце.

Его губы дрожали, и он едва узнал свой собственный срывающийся голос:

— Я не понимаю, о чем вы говорите...

— Я... неужели Цзян Лэ что-то наговорил? Я ничего не делал, клянусь, нас правда похитили, это я его спас... — Линь Суйцы пытался объяснить, путаясь в словах.

— Линь Суйцы, ты прекрасно знаешь, что натворил, — голос Цзян Хунъюя на том конце провода звучал нетерпеливо.

Всегда сдержанный и интеллигентный, в этот раз он холодно перебил родного сына:

— Семья Цзян относилась к тебе со всей добротой, а ты отплатил черной неблагодарностью.

В голове у Линь Суйцы помутилось. Кристально чистые слезы беззвучно покатались из глаз. Он замер на мгновение, что-то вспомнив, и сдавленно прошептал:

— Нет... это неправда. Папа, это все Цзян Лэ...

Цзян Хунъюй снова оборвал его:

— Впредь рассчитывай только на себя.

Линь Суйцы смотрел на сброшенный вызов остекленевшими, полными слез глазами. Горячие капли беззвучно текли по его бледным щекам, впитываясь в ткань белой футболки.

Ведь это Цзян Лэ — внебрачный сын, это не я сын Чжоу Вэньцян, это я...

Мысленно закончил он, не в силах произнести это вслух.

— Господин бандит, пожалуйста, позвоните моему отцу еще раз, мне нужно ему кое-что сказать, умоляю вас... — Линь Суйцы поднял голову и с мольбой посмотрел на Шрамолицего своими воспаленными, залитыми слезами глазами.

У него было удивительно красивое лицо — тонкие, изящные черты, мягкие линии, лишенные всякой агрессии. Когда он смотрел на людей так, как сейчас — с затуманенным слезами взглядом, бледный и беззащитный, — это легко могло вызвать жалость.

Шрамолицый с раздражением нахмурился и снова набрал номер, но гудки шли долго, и никто не ответил.

Затем был второй, третий звонок — всё впустую. А когда он попытался позвонить в последний раз, абонент был уже недоступен.

С каждым неотвеченным вызовом сердце Линь Суйцы остывало всё сильнее.

Шрамолицый выругался, скривив лицо:

— Черт. Похоже, в этот раз мы прогорели!

— Ты вообще точно сын Цзян Хунъюя? Даже если ты бастард, не должен же он так поступать!

Шрамолицый с силой пнул Линь Суйцы.

— Мелкий выродок есть выродок, чтоб тебя, бесполезный кусок мусора!

Линь Суйцы, казалось, перестал чувствовать боль — он никак не отреагировал. Его тело начало неконтролируемо дрожать, слезы уже заливали лицо, и в его прекрасных, глубоких глазах что-то безвозвратно гасло, оставляя после себя лишь пустоту и отчаяние.

Словно чья-то огромная рука разорвала его сердце изнутри. Несмотря на душный июль, его пронизывал ледяной ветер, от которого он дрожал всем телом.

Шрамолицый продолжал сыпать проклятиями. Вошел Лысый, с размаху пнул Линь Суйцы пару раз и смачно плюнул на пол.

— Брат Дао, что нам делать с этим выродком?

— Жди пока, я выйду позвонить...

Перед глазами всё плыло, звуки доносились будто сквозь толщу воды. Линь Суйцы не разбирал их слов, в ушах стоял лишь монотонный гул. Он открыл рот, желая что-то сказать, но горло словно сдавило тисками — ни звука не вырывалось наружу.

Теперь уже неважно. Всё больше не имеет значения...

В доме семьи Цзян —

Чжоу Вэньцзянь с материнской нежностью прижимала к себе младшего сына, чьи глаза покраснели от слез, и бережно вытирала ему лицо.

— Ну всё, Лэ-лэ, мой хороший, успокойся. Всё позади, папа и мама рядом, никто больше не посмеет тебя обидеть.

— Мне просто так обидно и горько, — Цзян Лэ шмыгнул носом и всхлипнул: — Как Суйцы-гэ мог так поступить? Нанять людей, чтобы похитить меня, а потом разыграть спектакль, чтобы обмануть вас... Он ведь совсем не такой человек...

— Хорошо, что я сам перерезал веревки и сбежал, а то вы с папой так бы и верили его лжи!

— Я ведь так любил его, правда считал своим старшим братом. Как он мог так со мной обойтись...

Чжоу Вэньцзянь вздохнула и с легким укором посмотрела на мужа, но в итоге промолчала.

Она повернулась к младшему сыну, чтобы утешить его:

— Лэ-лэ, чужая душа — потемки. Ты считал его братом, но он явно не отвечал тебе тем же.

— Я уже сказал ему всё, что нужно. С этого дня в семье Цзян нет места Линь Суйцы, — Цзян Хунъюй, помрачнев, произнес это своим обычным строгим и интеллигентным тоном. — Ему изначально не следовало появляться в этом доме.

Чжоу Вэньцзянь едва слышно вздохнула, не проронив ни слова.

— Папа, мама, я пойду умоюсь.

Цзян Хунъюй ободряюще похлопал младшего сына по плечу:

— Иди, иди.

Цзян Лэ вытер остатки слез и направился в ванную. Закрыв за собой дверь, он включил кран и ответил на звонок.

— Молодой господин Цзян, что нам делать с этим выродком?

В зеркале отразилось лицо Цзян Лэ — миловидное и спокойное. Ни следа печали или обиды на нем не осталось.

— Урок ему преподайте. Только смотрите, не покалечьте насмерть.

<http://bllate.org/book/22309/2335752>